

424	289-01	НИКОЛАЙ ТУРОВЕРОВ	"Казачье знамя"	«За Россию»
424	289-02	НИКОЛАЙ ТУРОВЕРОВ	"Казачье знамя"	«В судный час»

Елене Куниной посвящается

"Казачье знамя" (Коренблиг – Туроверов)

Часть 1 «За Россию»

1. Сочельник	- 3.02
2. Рождество	- 1.44
3. 1914 год	- 2.14
4. Свидание	- 1.37
5. Бабье лето	- 1.34
6. Всё наше	- 1.42
7. Ворожба	- 2.15
8. Моя любовь	- 1.58
9. Что делать?	- 1.52
10. Как может	- 1.38
11. Москва	- 3.17
12. Сочельник–2	- 1.58
13. Новочеркасск	- 2.07
14. За Россию	- 2.01
15. Последняя атака	- 2.01
16. К райским берегам	- 2.08
17. Ворожба	- 1.53
<i>Общее время звучания</i>	<i>– 35.09</i>
<i>Общее время звучания</i>	<i>– 69.50</i>

СОДЕРЖАНИЕ

Часть 1 «За Россию»

1. Сочельник

Темнее стал за речкой ельник.
Весь в серебре синее сад
И над селом зажег сочельник
Зелёный медленный закат.

Лиловым дымом дышат хаты,
Морозна праздничная тишь.
Снега, как комья чистой ваты,
Легли на грудь убогих крыш.

Ах, Русь, Московия, Россия,
Простор безбрежно снеговой,
Какие звёзды золотые
Сейчас зажгутся над тобой.

И всё равно, какой бы жребий
Тебе ни бросили года,
Не догорит на этом небе
Волхвов приведшая звезда.

И будут знать и будут верить,
Что в эту ночь, в мороз, в метель

Младенец был в простой пещере
 В стране за тридевять земель.
 1926

2. Рождество

Все мы с детства знаем: к Рождеству
 Всё на свете и чудесней и добрее.
 Снег, упавший на опавшую листву.
 Под листвой кузнечика согреет.

И на елках, зеленеющих вокруг,
 Разноцветные зажгутся свечи.
 Рождество, мой музыкальный друг.
 Рождество, мой дорогой кузнечик.

И скрипач весною с торжеством
 Воскресение прославит в песне.
 Все мы с детства знаем: Рождеством
 Всё необычайней и чудесней.
 1955

3. 1914 год

Казаков казачки проводили,
 Казаки простились с Тихим Доном.
 Разве мы – их дети – позабыли
 Как гудел набат тревожным звоном?

Казаки скакали, тесно стремя
 Прижимая к стремени соседа.
 Разве не казалась в это время
 Неизбежной близкая победа?

О, незабываемое лето!
 Разве не тюрьмой была станица
 Для меня и бедных малолеток,
 Опоздавших вовремя родиться?
 1939

4. Свидание

Нам этой ночи было мало.
 И с каждым часом все жадней
 Меня ты снова целовала,
 Искала жадности моей.

Едва на миг во мраке душном
 Мы забывались полусном,
 Как вновь я был твоим послушным
 И верноподанным рабом.

И только утром, на прощанье,

Я, как прозревший, в первый раз
 Увидел синее сиянье
 Твоих всегда невинных глаз.
 1941

5. Бабье лето

Стали дни прозрачнее и суше,
 Осыпаться начинает сад;
 Пожелтели розовые груши,
 Золотые яблоки висят.

От плодов, от солнечного света,
 На душе спокойней и ясней,
 И сюда теперь приходит лето
 Из своих пустеющих полей, –

Там летят по ветру паутины,
 Все хлеба уже давно в снопах.
 Бабье лето! Первые морщины,
 Первые седины на висках.
 1944

6. Всё наше

Куда ни помотришь – всё наше.
 На мельницу едет казак.
 И весело крыльями машет
 Ему за станицей ветряк.

Ах, ветер осенний, подуй-ка.
 Над голою степью поплачь!
 Стекает пшеничная струйка
 Под жернов. Горячий калач
 Потом испечет молодайка:
 «А, ну-ка скорей, детвора!»
 И легкая детская стайка
 Влетит, щебеча, со двора.

Вкуснее всего не горбушка,
 А нижний хрустящий запек;
 Его завоюет Петрушка,
 Любимый отцовский сынок.

Поспорят, повздорят немножко,
 И снова на воздух, к полям.
 Достанется хлебная крошка
 Голодным друзьям – воробьям.
 1941

7. Ворожба

Что за глупая затея
 Доверяться ворожке,

Что расскажет ворожея
Обо мне и о тебе?

Что она еще предскажет,
Если вдруг, – как мы вдвоём, –
Дама пик случайно ляжет
Рядом с этим королём.

Иль во тьме кофейной гуши
Распознаешь ты меня
В день последний, в день грядущий
В пекле адского огня.

Плакать рано, но поплачь-ка
Ты над этой ворожкой,
Моя милая казачка,
Черноокий ангел мой.
1938

8. Моя любовь

Был поздний час. И ты уже спала,
А я всё медлил у твоей калитки.
Стоял октябрь. И ночь длинна была
И лунный свет – стеклянный, полужидкий

Стекал по кровле и струился по шоссе.
Оно теперь казалось мне рекою,
И плыл весь мир и люди плыли все
К безмолвию, к забвению, к покою.

Всё глубже сон. Всё холоднее кровь.
Не знаю, что теперь тебе приснится.
А мир плывет и с ним моя любовь,
Чтоб больше никогда не повториться.
1945

9. Что делать?

Казалось бы: пора и на покой, –
Кой-что забыть, со многим примириться,
По осени в дубраве золотой
С минувшим летом распроститься.

Дни холодней. И скоро первый снег
Слетит с небес, закружится по полю;
Но вот – древесный молодой побег
Ещё упорно тянется на волю,

Ещё трепещет свежую листвою,
Когда вокруг давно все омертвело...
Моя душа, что делать мне с тобой,
Любовь моя, что мне с тобою делать?
1949

10. Как может

У тебя свои заботы.
У меня свои забавы.
Расходиться? Что ты, что ты:
Оба мы с тобой неправы.

И не может одинаков
Жребий быть у нас с тобою, –
У меня молчит собака,
У тебя собака воет.

Значит, так и надо. Что же
Огорчатся по-пустому, –
Каждый пусть живет как может,
А никак не по-другому.
1957

11. Москва

Заносы. Сугробы. Замерзшие глыбы
Сползающих с кровель снегов.
Цепные медведи вставали на дыбы
Ревели от холодов.

У Темных, у Грозных, у Окаянных
За шерстью не видно лица:
Иваны, Иваны и снова Иваны,
И нет тем Иванам конца.

До белого блеска сносила верига.
На улицах снежная муть.
Татарское иго – Московское иго:
Одна белоглазая чудь!

Что было однажды, повторится снова;
Но неповторна тоска.
На плаху, на плаху детей Годунова:
Москва ударяет с носка!

Пылает кострами Замоскворечье,
Раскинулся дым по базам;
Сожгли Аввакума, затеплили свечи:
Москва не поверит слезам!

Москва никому не поверит на слово,
Навек прокляла казаков,
И выпила черную кровь Пугачева
И Разина алую кровь.

Метели все злее. Завалены крыши.
Москва потонула в снегах.

Но чьи это души, все выше и выше
Плывут над Москвой в небесах?

В теплицах цветут басурманские розы,
На улицах – снежная муть.
Толстой – босиком, на машине Морозов
Свершили положенный путь.

Цыганские песни. Пожары на Пресне.
А вот – и семнадцатый год.
Все выше и выше, просторней, чудесней
Души обреченный полет.

По небу полуночи... Черное небо,
А хлеб еще неба черней.
И шёпотом, шёпотом: корочку хлеба
Для беспризорных детей.

Но как при Иванах, при Темных, при Грозных
Молитвам не внемлет земля.
По небу полуночи... Красные звезды
Мерцают на башнях Кремля.
1947

12. Сочельник-2

Мороз крепчал. Стоял такой мороз,
Что бронепоезд наш застыл над яром,
Где ждал нас враг, и бедный паровоз
Стоял в дыму и задыхался паром.

Но и в селе, раскинутом в яру,
Никто не выходил из хат дымящих, –
Мороз пресек жестокую игру,
Как самодержец настоящий.

Был лёд и в пулемётных кожухах;
Но вот в душе, как будто, потеплело:
Сочельник был. И снег лежал в степях.
И не было ни красных и ни белых.

13. Новочеркасск

Колокола могильно пели.
В домах прощались. Во дворе
Венок плели, кружась, метели
Тебе, мой город на горе.

Теперь один снесешь ты муки
Под сень соборного креста.
Я помню, помню день разлуки
В канун Рождения Христа.

И не забуду звон унылый
 Среди снегов декабрьских вьюг
 И бешеный галоп кобылы,
 Меня бросающей на юг.
 1950

14. За Россию

Не выдаст моя кобылица,
 Не лопнет подпруга седла.
 Дымится в Задонье, курится
 Седая февральская мгла.

Встаёт за могилой могила,
 Темнеет калмыцкая твердь,
 И где-то правее – Корнилов,
 В метелях идущий на смерть.

Запомним, запомним до гроба
 Жестокую юность свою,
 Дымящийся гребень сугроба,
 Победу и гибель в бою,

Тоску безысходного гона,
 Тревоги в морозных ночах,
 Да блеск тускловатый погона
 На хрупких, на детских плечах.

Мы отдали все, что имели,
 Тебе, восемнадцатый год,
 Твоей азиатской метели,
 Степной – за Россию – поход.
 1931

15. Последняя атака

Нас было мало, слишком мало.
 От вражьих толп темнела даль;
 Но твёрдым блеском засверкала
 Из ножен вынутая сталь.

Последних пламенных порывов
 Была исполнена душа,
 В железном грохоте разрывов
 Вскипали воды Сиваша.

И ждали все, внимая знаку,
 И подан был знакомый знак...
 Полк шёл в последнюю атаку,
 Венчая путь своих атак.

16. К райским берегам

Было их с урядником тринадцать
 – Молодых безусых казаков.

Полк ушел. Куда теперь деваться
Средь оледенелых берегов?

Стынут люди, кони тоже стынут,
Веет смертью из морских пучин...
Но шепнул Господь на ухо Сыну:
Что глядишь, Мой Милосердный Сын?

Сын тогда простер над ними ризу,
А под ризой белоснежный мех,
И все гуще, все крупнее книзу
Закружился над разъездом снег.

Ветер стих. Повеяло покоем.
И, доверясь голубым снегам,
Весь разъезд добрался конным строем,
Без потери к райским берегам.

17. Ворожба

Ворожила ты мне, колдовала,
Прижимала ладонью висок –
И увидел я воды Каяла,
Кагальницкий горячий песок.

Неутешная плакала чайка,
Одиноко кружась над водой, –
Ах, не чайка – в слезах молодайка, –
Не вернулся казак молодой;

Не казачка – сама Ярославна
Это плачет по князю в тоске.
Всё равно, – что давно, что недавно,
Никого нет на этом песке.

1938